

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-149-158

ЗНАЧЕНИЕ КОНТЕКСТА ДЛЯ КОРРЕКТНОГО ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Лебедева А. А.*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
127051, г. Москва, Большой Каретный пер., д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проводится многоаспектный анализ влияния контекста на адекватность переводческих решений. Автор рассматривает значимость культурного компонента значения слова, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, выделяет и систематизирует трудности межъязыкового перевода юридической терминологии. Кроме того, в статье анализируется роль учебного перевода в процессе преподавания иностранного языка, поскольку совершенствование навыков владения этим языком предполагает и приобретение переводческих навыков, формирование которых невозможно без включения обучаемого в языковую картину мира изучаемого языка.

Ключевые слова: лингво-культурологический аспект, параллельный перевод, коммуникативная компетенция, точность перевода, лексико-семантический анализ, межъязыковой перевод юридической терминологии.

CONTEXT SIGNIFICANCE FOR CORRECT LEGAL TEXTS TRANSLATION

A. Lebedeva*All-Russian State University of Justice
10A Bolshoy Karetny pereulok, Moscow 127051, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the multi-aspect analysis of the influence of the context on the adequacy of the translation. The author considers the significance of the cultural component of meaning detected in the process of the lexical-semantic analysis of the humanities terminological units and focuses on difficulties of interlingual legal terminology translation. Besides, the role of translation in the language teaching is analysed as mastering of a foreign language requires translation training which is impossible without knowledge of the worldview of a foreign language.

Keywords: linguo-cultural aspect, parallel translation, communicative competence, precision of translation, lexical-semantic analysis, interlingual legal terminology translation.

Обучение навыкам перевода всегда считалось одним из основополагающих компонентов профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в вузе. При этом перевод, как правило, рассматривается лингвистами и как вид речевой деятельности и как результат этой деятельности [см. об этом

подробно в: 2; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 13 и др.]. Одновременно одним из наиболее значимых критериев качественного перевода считается его точность, т. е. точное соответствие содержания оригинального и переведённого текстов, хотя использованные для достижения этой цели лексико-грамматические и стилистические средства могут существенно различаться в разных языках.

Роль науки о переводе в её историческом развитии, место перевода в лингводидактической деятельности неоднократно рассматривались в лингвистической литературе [1; 8; 9; 10; 12 и др.]. В настоящее время в переводоведении учёными сформулированы разные модели перевода, среди которых можно выделить информационную теорию, психолингвистическую теорию перевода, теорию закономерных соответствий, теорию уровней эквивалентности, функционально-прагматическую модель, ситуативную модель, семантико-семиотическую модель и ряд других моделей (теорий) [см. об этом подробно в: 10; 11; 12]. В рамках лингводидактической практики модель перевода, как правило, увязывают с выбором типа учебных текстов. Так, А. В. Анненкова [1] предлагает модель учебного перевода, алгоритм которого состоит из четырёх последовательных стадий: ориентировочный перевод (нацеленный на систематизацию фоновых знаний обучающихся и развитие у них интереса к межкультурным сопоставлениям), обучающий (практика перевода с привлечением внимания к межкультурно значимым элементам текста), автономно-интерпретационный (рассмотрение текстовых фрагментов, перевод которых требует специальных фоновых знаний, например,

фразеологических единиц) и контролирующий (работа над текстом в форме опросно-ответной беседы).

Подобный алгоритм работы с текстами для достижения лингводидактических целей представляется приемлемым, однако необходимо учитывать и некоторые другие аспекты, например типологию текстов, поскольку в ходе учебного процесса одновременно ставится задача формирования навыков производства и смыслового восприятия текстовых фрагментов, приущих конкретной коммуникативной деятельности людей. Соответственно, решение проблемы коммуникативной дифференциации текстов подразумевает включение материалов с лексико-грамматическими и стилистическими особенностями и специальными концептами из сферы будущей профессиональной деятельности конкретного контингента обучаемых. С другой стороны, представляется необходимым включение текстовых фрагментов с национально обусловленными особенностями, возникающими по причине расхождений языковых картин мира.

Основополагающим фактором адекватности переводческих решений при работе с различными видами дискурса является прежде всего **корректность контекстного перевода**, особенно в условиях существования огромного пласта омонимов и многозначных слов. Так, английское слово “consideration” можно перевести как ‘рассмотрение, обсуждение, предупредительность’ и как юридический термин ‘компенсация, встречное удовлетворение, вознаграждение, возмещение’ (ср.: With due consideration for his feelings, we must reject his request / Хотя мы в полной мере понимаем его

чувства, мы вынуждены ему отказать – Consideration is something of value that the parties have given up to each other to fulfill the contract / Возмещение – это нечто ценное, что стороны предложили друг другу в целях исполнения контракта). Слово “remedy” переводится как ‘лекарство, средство от болезни’, а в юридическом контексте как ‘средство судебной защиты’; слово “benefit” как ‘выгода, пособие’ и как ‘неподсудность’ в правовом контексте (“to give smb the benefit of the doubt” – ‘оправдать кого-л. за недостаточностью улик’, *амер.* “to take the benefit” – ‘объявить себя банкротом’); слово “relief” переводится как ‘облегчение, утешение, пособие, помощь (материальная)’, а в правовом контексте – ‘освобождение (от уплаты налога, штрафа)’; слово “probation” – это ‘испытательный срок, стажировка’ и ‘пробация (условное осуждение, при котором осужденный остаётся на свободе, но находится под надзором сотрудника специальной службы)’; глагол “to subtract” – ‘вычитать’ в математике и ‘отказывать в предоставлении прав или имущества, уклоняться от выполнения обязанностей’ в юридических текстах. Многозначность может присутствовать и в рамках юридического дискурса: слово “custody”, например, в контексте уголовного права обычно переводится как ‘тюремное заключение, лишение свободы’, а в рамках семейного права – как ‘опека, опекунство’ (одновременно с этим в базах данных рассматриваемая лексическая единица, как правило, переводится как ‘забота о сохранности информации’).

Контекстная лексико-грамматическая конфигурация языковой единицы – это одновременно её лингво-куль-

турологический инвариант, воплощение и развитие которого происходит в рамках конкретного текстового фрагмента. Использование одной и той же лексической единицы в разных типах дискурса и контекстного окружения подразумевает отражение, осмысление в сознании и актуализацию в ходе речевой деятельности на родном языке или в процессе поиска адекватных переводческих решений на иностранном языке приобретённых ранее знаний о лексико-грамматических особенностях конкретного типа дискурса и о национально-культурных особенностях носителей данного языка. В рамках актуализации значения языковой единицы в определённом текстовом фрагменте существенную роль играет контекстное окружение единицы. Так, “credit card” – это ‘кредитная карточка’; “credit worthiness” – ‘кредитоспособность’; “letter of credit” – ‘аккредитив’; “to allow credit” – ‘предоставить кредит’; “to get a credit for a course” – ‘получить зачёт по предмету’ [ср.: The B.S. degree in physics requires a minimum of 180 credits to graduate / Чтобы получить степень бакалавра физики, нужно набрать не менее 180 кредитов (зачетов)]. Одна из особенностей некоторых слов английского языка – разная семантическая конфигурация в единственном и множественном числе: слово “government”, например, переводится как «правительство, управление», а “governments” – как ‘государственные ценные бумаги’; слово “allowance” – как ‘позволение, денежное пособие, скидка’, а “allowances” – как ‘довольствие’, слово “damage” – как ‘ущерб’, а “damages” – как ‘возмещение ущерба’; слово “security” – как ‘безопасность’, а “securities” – как ‘облигации, ценные бумаги’.

Контекстные лингвокультурологические особенности могут иметь значение и при переводе названий некоторых организаций, государственных структур и должностей. Так, название должности “*Secretary of Interior*” в США можно перевести как ‘министр внутренних дел’, но более точный перевод ‘министр внутренних территорий и земель’, поскольку занимающее эту должность лицо заведует землями федерального правительства США (около четверти всей площади страны), находящимися на них и под ними ресурсами, геологией и мелиорацией, национальными парками и заповедниками. Одновременно с этим такое должностное лицо занимается вопросами островных территорий США, делами индейцев, эскимосов, алеутов, гавайцев и других малых народов, в том числе азартными играми среди индейцев. Функции же МВД и МЧС в США относятся к ведению Министерства внутренней безопасности и Министерства юстиции. Дословный перевод названия “*Department of the Interior*” в США – ‘Министерство / Департамент внутренних дел’, однако это структурное подразделение США отвечает за состояние дорог и соблюдение экологических норм, не являясь при этом силовым правоохранительным ведомством, как в России. Вспомним в данном контексте и общеизвестный термин “*Home Office*”, переводимый как ‘Министерство внутренних дел’ Великобритании.

Кроме того, в переводческой деятельности нельзя не учитывать различия в национальных языковых традициях, незнание и несоблюдение которых могут служить помехами эффективной коммуникации. Так, в Ко-

лумбии в магазине часто используется фраза с просьбой «подарить товары» (традиционное обращение “*Me ragalas por favor un pan*” переводится дословно как ‘Подарите мне, пожалуйста, хлеб’), поэтому колумбийцы часто сталкиваются с непониманием в других испаноязычных странах, где им, как правило, отвечают, что нужно всё-таки заплатить. В английском юридическом контексте нередко наблюдается излишнее многословие и избыточное использование синонимов. При переводе подобных лексико-грамматических отрезков на русский язык обычно достаточно перевода одного из синонимов и соответственно использования одной языковой единицы. Например, часто используемое в контрактах выражение “*terms and conditions of the agreement*”, где “*terms and conditions*” – синонимы, принято переводить как ‘условия договора’. В тексте о функциях Большого жюри в США находим фразу “*A Grand Jury determines whether there is enough evidence to accuse or charge someone with a crime*”, которую целесообразно перевести как ‘Большое жюри определяет, достаточно ли улик для предъявления кому-либо обвинения в совершении преступления’. Использование второго глагола со значением «обвинять» в английской фразе представляется избыточным. Логично было бы использовать в качестве дополнительного глагол “*to indict*” (со значением ‘предъявить официальное обвинение’), но в данном случае, на наш взгляд, наблюдается лишь избыточность значения. Подобная избыточность наблюдается в названии англоязычных завещаний, в которых используются синонимы “*will*” и “*testament*” (завещание / последняя воля),

например, “Last Will and Testament of David Morn”. При переводе на русский язык обычно один из синонимов опускается.

Языки мира существенно различаются, в том числе и по грамматической структуре. Так, финские школьники изучают 15 падежей существительных, прилагательных, местоимений и числительных, а эстонцы – четырнадцать. В эстонском языке есть слова, состоящие почти из одних гласных (например, слово *jäääär* – кромка льда), грузины знают слова, состоящие из 11 согласных подряд (например, ვეფხვთმბრდგვნელი [вефхвтмбрдгвнели] – убивающий тигров), а в финском языке часто удваиваются и гласные, и согласные (например, в слове *hääwyöäie* – планы на брачную ночь). Вероятно, именно из-за этой характерной особенности автор «Властилина колец» Дж. Р. Р. Толкин использовал финский язык как основу языка эльфов. Голландцы создают сложные слова, соединяя несколько слов в одно (например, *persoonlijkheidstoestanden* – состояния личности), а также носят «ботинки для рук» – именно так буквально переводится с нидерландского слово «перчатки» (*handschoenen*: *hand* = рука, *schoenen* = башмак). Венгры также употребляют длинные слова, например, слово *Megszentségteleníthetetlen ségeskedéseitekért* (‘из-за вашего постоянного стремления быть неоскверненными’) состоит из 44 букв, в нём одна приставка и 11 суффиксов. В эстонском языке отсутствует будущее время (будущее выражается при помощи настоящего времени и обстоятельства времени: завтра, через день и т. д.), но присутствуют три варианта прошедшего. В грузинском языке в словах нет

ударений и основной слог выделяется повышенной интонацией, поэтому кажется, что грузины периодически повышают голос в ходе разговора. Правписание грузинского языка можно назвать простым – как слышится, так и пишется (как и в белорусском), заглавные буквы отсутствуют (все слова пишутся со строчной буквы, в том числе имена), в грамматике нет понятия мужского и женского рода (тот или иной род определяется по контексту).

По данным учёных, в мире в настоящее время насчитывается около 7000 живых языков, примерно треть из которых имеют менее 1 тыс. носителей и, соответственно, находятся под угрозой исчезновения. Уточним, что конституция Зимбабве признаёт официальными языками страны 16 языков, включая язык жестов, а конституция Боливии – 37 языков, в том числе несколько вымерших. Около 30 стран не имеют официально закреплённого в конституции языка. В таких случаях роль де-факто официального признаётся за наиболее распространённым в данной конкретной стране языком¹.

В числе факторов, существенных для достижения точности перевода, в лингвистической литературе часто упоминают **межвариантную вариативность** [13]; **особенности пунктуации, присущие конкретному типу дискурса; стиль речи, типичный для конкретного вида дискурса**. Обычно к факторам, затрудняющим перевод, относят **несовпадение объёма значения или отсутствие реалий, отсутствие эквивалентов, языковые ин-**

¹ См. об этом подробнее, например: Constitute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.constituteproject.org> (дата обращения: 15.02.2018).

терференции, метафоризацию как разновидность лексико-семантического способа терминообразования и т. п. (см. об этом подробно в: [9]).

Сложности выбора корректного перевода нередко наблюдаются при **расхождении семантических конфигураций различных терминов** в условиях функционирования параллельных терминосистем в разных языках. Эта проблема проявляется, например, при переводе на русский язык английского слова “franchising” как ‘коммерческая концессия’ и ‘франчайзинг’.

В российском гражданском законодательстве нет такого юридического понятия и вида договора, как «франчайзинг». Гражданский кодекс РФ предусматривает только «коммерческую концессию» (см.: гл. 54 ГК РФ, ст. 1027–1040). По мнению юристов-исследователей, договор коммерческой концессии, указанный в ГК РФ, франчайзингом не является, хотя коммерческая концессия имеет некоторые элементы франчайзинга. Можно утверждать, что понятие «франчайзинг» в России экономическое, а не юридическое.

Согласно российскому законодательному определению, по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозна-

чение, секрет производства (ноу-хау) (ст. 1027 ГК РФ). По договору коммерческой концессии может передаваться деловая репутация и коммерческий опыт правообладателя в определённом объёме (в частности, с установлением минимального и/или максимального объёма использования), с указанием или без указания территории использования применительно к определённой сфере предпринимательской деятельности.

А эквивалент данной системы организации хозяйственных связей в зарубежном законодательстве – франчайзинг – упрощённо можно охарактеризовать как способ коммерческой деятельности, при которой компания, владеющая правами на известную торговую марку и добившаяся успехов в данной сфере, предоставляет предпринимателю право на производство продукции, торговлю товарами или оказание услуг под её торговой маркой на определённой территории на срок и на условиях, которые установлены договором. В интернете можно найти множество подобных определений термина “franchising” (например: *Franchising is a continuing relationship in which a franchisor provides a licensed privilege to the franchisee to do business and offers assistance in organizing, training, merchandising, marketing and managing in return for a monetary consideration. Franchising is a form of business by which the owner (franchisor) of a product, service or method obtains distribution through affiliated dealers (franchisees).*)

В теории права возникает спор о соотношении данных договоров. Многие российские юристы единодушны в понимании коммерческой концессии как франчайзинга. Как полагает В. В. Ви-

трянский [5], понятие «коммерческая концессия» было использовано при подготовке Гражданского кодекса как наиболее соответствующее по смыслу английскому “franchising”. Но тем не менее в законодательстве некоторых стран понятия «франчайзинг» и «коммерческая концессия» не равнозначны. Если в Российской Федерации часто заявляют, что коммерческая концессия в экономическом смысле – это эквивалент франчайзингу, то, например, в Швейцарии, Бельгии и Португалии под договором коммерческой концессии понимается соглашение, при котором одна сторона закупает у другой стороны товары, изготовленные или приобретённые последней с целью их перепродажи в пределах определённой территории. И если при данном соглашении будет передано право на использование фирменного наименования производителя, то считается, что речь идёт о франчайзинге с целью сбыта, или сбытовом франчайзинге. Данный пример позволяет утверждать, что в законодательстве некоторых государств термин «коммерческая концессия» может быть по своему смыслу уже, чем «франчайзинг».

Проведённый анализ позволяет утверждать, что, поскольку юристы должны ориентироваться на нормы,

установленные законом, в России юридически верно использовать только понятие «коммерческая концессия», т. к. понятие «франчайзинг» не предусмотрено российским законодательством. В экономическом смысле можно использовать понятие «франчайзинг», но при этом учитывать, что в некоторых случаях оно шире, чем «коммерческая концессия». Полагаем, что в неформальных текстах допустимо использование русскоязычного эквивалента термина “franchising” – «франчайзинг», а в юридически значимых официальных текстовых фрагментах целесообразно уточнить юридическую составляющую иноязычного термина и выбрать корректный аналог, по всей видимости, термин «коммерческая концессия» (с дополнительным переводческим комментарием в случае необходимости).

Всё вышеизложенное позволяет заключить, что нельзя недооценивать роль учебного перевода в ходе преподавания иностранного языка, поскольку совершенствование навыков владения иностранным языком предполагает также приобретение переводческих навыков, способствующих включению обучаемого в языковую картину мира изучаемого языка.

Статья поступила в редакцию 18.01.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова А. В. Технология использования учебного перевода как средства формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Теория и практика перевода. 2010. № 8. С. 37–41.
2. Атабекова А. А., Сысоева И. А. Концепты профессиональной культуры в правовом дискурсе: лингвометодические аспекты // Вторые Всероссийские Державинские чтения. Кн. 8. Иностраный язык юридической специальности. М: Российская правовая академия Минюста РФ, 2007. С. 20–21.
3. Атабекова А. А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. М.: Российский университет дружбы народов, 2008. 198 с.

4. Богданова Л. И. Культурные концепты в преподавании иностранных языков // Актуальные проблемы современного международного публичного права: материалы Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранных языков и обучение переводу в контексте высшего профессионального образования». М.: Российский университет дружбы народов, 2003. С. 3–5.
5. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: Статут, 2015. 682 с.
6. Ильина Н. Ю. Язык для специальных целей в межкультурном пространстве // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании: IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции. М.: РГ-Пресс, 2017. С. 109–115.
7. Калиновская В. В. Страноведческий компонент в преподавании английского юридического языка // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании: IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции. М.: РГ-Пресс, 2017. С. 115–120.
8. Лебедева А. А. Проблемы юридического перевода. Методика обучения студентов переводу контрактов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 92–97.
9. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста: монография. 2-е изд., расш. и доп. М: Де`Либри, 2018. 282 с.
10. Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. 175 с.
11. Марчук Ю. Н. Перевод и преподавание языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. Т. 2. С. 70–73.
12. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта, 2006. 413 с.
13. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантическая английской юридической лексики как проблема перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–192.

REFERENCES

1. Annenkova A. V. [The use of translation training technology as means of forming intercultural communicative competence]. In: *Teoriya i praktika perevoda* [Theory and Practice of Translation], 2010, no. 8, pp. 37–41.
2. Atabekova A. A., Sysoeva I. A. [The concepts of professional culture in legal discourse: linguistic and methodological aspects]. In: *Vtorye Vserossiiskie Derzhavinskie chteniya. Kn. 8. Inostrannyi yazyk yuridicheskoi spetsial'nosti* [The second all-Russian Derzhavin readings. B. 8. Foreign language of the legal profession]. Moscow, Rossiiskaya pravovaya akademiya Minyusta RF Publ., 2007, pp. 20–21.
3. Atabekova A. A. *Inoyazychnye spetsial'nye kontsepty v mezhkul'turnoi professional'no-orientirovannoi kommunikatsii* [Foreign language special concepts in intercultural professionally oriented communication]. Moscow, RUDN University Publ., 2008. 198 p.
4. Bogdanova L. I. [Cultural concepts in teaching foreign languages]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo publichnogo prava: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Prepodavanie inostrannykh yazykov i obuchenie perevodu v kontekste vysshego professional'nogo obrazovaniya»* [Current problems of modern public international law: Proceedings of International scientific-practical conference “Teaching foreign languages and teaching translation in the context of higher professional education”]. Moscow, RUDN University Publ., 2003, pp. 3–5.

5. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. *Dogovornoe pravo* [Contract law]. Moscow, Statut Publ., 2015. 682 p.
6. Il'ina N. Yu. [Language for specific purposes in intercultural space]. In: *Pravo i ekonomika: mezhdistsiplinarynye podkhody v nauke i obrazovanii: IV Moskovskii yuridicheskii forum. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskije chteniya): materialy konferentsii* [Law and Economics: multidisciplinary approaches to science and education: IV Moscow legal forum. XII international scientific-practical conference (Kutafin readings): proceedings of the conference]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 109–115.
7. Kalinovskaya V. V. [Cross-cultural component in teaching English legal language]. In: *Pravo i ekonomika: mezhdistsiplinarynye podkhody v nauke i obrazovanii: IV Moskovskii yuridicheskii forum. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Kutafinskije chteniya): materialy konferentsii* [Law and Economics: multidisciplinary approaches to science and education: IV Moscow legal forum. XII international scientific-practical conference (Kutafin readings): proceedings of the conference]. Moscow, RG-Press Publ., 2017, pp. 115–120.
8. Lebedeva A. A. [Problems in translation of law texts. Methodology of teaching translation of contacts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 6, vol. 2, pp. 92–97.
9. Lebedeva A. A. *Osnovnye printsipy professional'no orientirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku studentov yuridicheskikh spetsial'nostei: formirovanie professional'noi lingvokul'turologicheskoi modeli yurista* [The basic principles of professionally oriented foreign language teaching for law students: creating a professional linguistic and cultural model of a lawyer]. Moscow, De`Libri Publ., 2018. 282 p.
10. Marchuk Yu. N. *Modeli perevoda* [Models of translation]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 175 p.
11. Marchuk Yu. N. [Translation and language teaching]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 6, vol. 2, pp. 70–73.
12. Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. *Nauka o perevode* [The science of translation]. Moscow, Flinta Publ., 2006. 413 p.
13. Ozyumenko V. I., Chilingaryan K. P. [Polysemy of English Legal Lexis and the Problems of Translation]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika* [The RUDN Journal of Linguistics], 2015, no. 2, pp. 180–193.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Анна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
e-mail: lebsuch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Lebedeva – Doctor in Philological sciences, professor, head of the Department of foreign languages, All-Russian State University of Justice;
e-mail: lebsuch@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедева А. А. Значение контекста для корректного перевода юридических текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 149–158.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-149-158

FOR CITATION

Lebedeva A. A. Context significance for correct legal texts translation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 2, pp. 149–158.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-149-158